

ВОСПОМИНАНИЯ

ветеранов

***ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ***

Вернигор А. Р.

ВЕРНИГОР АНДРЕЙ РОМАНОВИЧ

До войны я закончил восемь классов Красногорской средней школы. Был в оккупации до сентября 1943 года. Пришли наши меня вызвали в военкомат. Со мной еще были Лиситченко Николай и Долгий Николай. Нас пригласили для оказания помощи органам НКГБ. Сначала нас направили в сёла Дубенец и Селец Красногорского района для мобилизации лиц, годных к службе в армии. Собрали мы человек пятьдесят, доставили их в Красную Гору), шли пешком) и сдали соответствующей организации. Затем нам дали оружие, и мы ходили выполнять специальные задания. А задания состояли в том, что вылавливали тех, кто уклонялся от призыва в армию. Тех, кто сидел в тюрьме, мы водили на допрос. Так мы служили до тех пор, пока чуть было не разлучили нас. Я узнал, что моих товарищей забирают на фронт, а меня хотят оставить на некоторое время. А я пришёл и говорю начальнику «Мы трое - друзья, прошу и меня направить на фронт». Мне разрешили вместе с ними отправиться. Нас отправили в Москву, там мы помылись в бане, пообедали пшённой кашей с маслом, попили чай, получили обмундирование. Из Москвы отправились в Ленинград. В

Ленинград. В Ленинграде хотели нас снова разлучить, направить в разные дивизии. Мы пошли к генералу, просили нашу тройку не разлучать. Генерал согласился. Нас направили в 364 стрелковую дивизию, 1212 стрелковый полк. Три полка было в этой дивизии. Мы оказались в лыжном батальоне, одели нас в новые полушубки, выдали нам перчатки. Так, мы стали лыжниками – автоматчиками. Тренировались мы трамплинчики браться, разные препятствия. В лыжбате не пришлось воевать. Через три месяца нас спрашивают: «Кто хочет в сапёрную часть мины обезвреживать?» Нужно было человек пять, нашлось больше. Выбрали меня, я оказался в саперной части. Я был с миноискателем, а те двое со щупами. Мне приходилось иметь дело с английской миной и противопехотной. Английская мина погожа на полулитровую банку, в которой содержится порох, тол, 360 шариков. Имеются две капсулы натяжного действия от которых в обе стороны протягивают две проволочки по 50 метров каждая. Мне пришлось разминировать такую мину. Имелась ещё противопехотная мина. Она представляла собой небольшую деревянную коробочку весом 200 грамм. Если станешь на неё, оторвёт руку или ногу. Я обезвредил три такие мины. А противотанковая мина круглая. Она натяжного, нажимного, ударного действия. Мне не пришлось её разминировать. Мне приходилось участвовать в танковых десантах в Калининской области, приглашали на временные действия. Садил на танк человек 7- 8, вооружали автоматами, гранатами и бросали в тыл врага. Мы попадали на эсэсовцев, карателей, которые убегали в лес, прятались, разрушали их дзоты, уничтожали пушки. Потом я пришёл в разведку. Полк тот же самый. Командиром разведки был старший лейтенант Щедрин. Когда дивизионной разведке нужно взять языка или что-нибудь разведать, она идет обычно с боем, большими группами. А полковая разведка действовала тихо, без шума, всего 3-5 человек, они должны тихонько взять языка. Возле станции Ерёмينو был наш аэродром, а недалеко от него немцы сделали лагерь для военнопленных. Мы видели, как наших военнопленных обливали горячей жидкостью и сжигали. Мы пошли в разведку, взяли языка, тоже разведчика, сидевшего в дозоре. Мы так тихонько подошли, без шума, что он не успел даже крикнуть. Мы отвели его в штаб полка, отправив двух человек. Затем возвратились в лагерь, подошли к одному бараку. Крыша барака сгорела, дымок ещё шёл. В окно мы увидели сожженного человека, лежавшего на подоконнике. Вероятно, немец застрелил его, когда он хотел вылезти через окно. Мы зашли в арак, у дверей лежали трупы, а в левой стороне, в углу лежали двое обнявшись, обгоревшие, и

кости видать. Вот такие зверства творили фашисты! Однажды мы сидели в дозоре три дня, чтобы обнаружить их, надо было самим хорошо замаскироваться. Мы установили, что на одном из Латвийских хуторов на чердаках сидели снайперы и стреляли на 800 метров. Наша батальонная кухня стояла в низине, в замаскированном виде. За обедом мы посыпали 2-3 человека. Снайперы старались либо солдата убить, либо термос пробить, чтобы мы остались голодными. Командование приказало обезвредить снайперов. Нужно было переправиться через реку. Спускаясь с высокого обрыва, я увидел немецкую каску, надел её. Только стал плыть, ударила в лоб немецкая пуля, разорвалась. Я нырнул в воду, вода была чистой, но холодной (дело было в сентябре). Затем я вынырнул, набрал воздуха, и тут увидел, что Щедрин с помощью найденной лодки переправляет разведчиков на другой берег реки. Я доплыл до берега, мы захватили гранаты, ручной пулемёт и поползли в один из домов. Зашли в этот дом, немцев в нем не было. Зашли в другой дом, там была лестница с перилами. Один пошел наверх, двое прикрывали его автоматами. Перед комнатой сидел часовой и курил «Хан-де хох!» - И мы забрали его без шума. Заходили в комнату, так спокойно заходили. Я не заметил, что в комнате сидел эсэсовец с рацией. Я открываю заслонку, чтобы в печку посмотреть, а эсэсовец хотел выстрелить. Тут я наставил на него автомат, потом шагнул к нему, хотел прикладом огреть его, но Щедрин сказал что не надо, ведь он уже сдался. Стали обыскивать его, нашли семь часов разных марок и из разных стран: русские, швейцарские и др. Нашли именные часы, где его были семь портретов, на крышке фамилия и за что этими часами награжден. Щедрин отдал мне эти часы с золотой цепочкой. Когда шли в наступление, осколок снаряда попал в часы, разбило весь механизм.

Был я сержантом и помкомвзвода. Под Ригой меня ранило, это случилось, когда мы наступали через лес. Впереди была прогалина, я пошел не в обход, а на прямую, тут из-за дерева выстрелил снайпер, пуля попала выше колена, я упал. Старшина из автомата убил этого снайпера. Под Ригой закончилась для меня война. Парторг роты и Щедрин тепло проводили меня, провожали с километр. Награжден медалью «За отвагу».

Лиситченко живет в Клинцах, работал моляром, а теперь на пенсии, а Долгий живет в Москве, тоже на пенсии.

Иосифов Аким Парфентьевич.

Призвали меня в армию 12 октября 1938 года. Служил на Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре, работал в строительном батальоне трактористом. Там и застала меня война. В начале 1942 г. Направили меня в город Горький на курсы механиков-водителей танка. После окончания курсов послали на формирование под Тулу. Из-под Тулы направили в составе механизированного корпуса под Сталинград, позднее получившего название третьего гвардейского Сталинградского. Я был в бригаде 7 в 43-ем танковом полку. Там я находился до полной победы под Сталинградом. А дальше мне пришлось пройти военными дорогами по такому маршруту: Подмосковье-Смоленск-Витебск-Лепиль-Сморгонь-Полетевес-Вильнюс-Клайпеда-Тильзит. В Тильзите встретили 9 мая-день победы. На этом война для меня не окончилась. Наш корпус был переброшен на Восток для разгрома японцев. 30 мая 1946 года был демобилизован. Награжден Орденом Красной Звезды за бой под Сморгонью (рассказ об этом ниже) медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над фашистской Германией», «За победу над Японией». Под Сталинградом мне вручили партийный билет. Проработал я на Обошешевском предприятии ПМК 40 лет, с 1946 по 1986 годы. И хотя мне можно было выйти на пенсию еще в 1979 я продолжал трудиться, работал шофером. Много лет я возглавлял группу народного контроля, являлся членом партийного комитета.

А теперь рассказ о некоторых эпизодах военной жизни Иосифова А П и его товарищей.

Стоит на берегу реки Вили в Белоруссии городок Сморголь. Тихо размеренно течет здесь жизнь. Аким Парфентьевич Иосифов ходил по городу никем не узнаваемый, нашел улицу имени Третьего Сталинского корпуса, школу, постоял, склонив голову и отправился на крутой берег реки. Нет не изменилась она, но наверное напрасно он, Аким Парфентьевич, вел свой полк вдоль по течению двести метров. Можно было свернуть и найти брод гораздо раньше. Вот хотя-бы у этого откоса, отсюда, с крутогора, четко просматривается мелководье, но тогда, в том сорок четвертом, он этого не знал. В составе третьего гвардейского Сталинградского корпуса он вел свой танк на сильно укрепленный городок Сморголь, чтобы освободить его от фашистов. Батарея противника была по танкам

прямой наводкой, но они шли и шли вперёд. В грохоте боя Аким Парфентьевич не слышал, как разорвался снаряд у самой смотровой щели. Он даже не ощутил боли. Просто глаза, лицо залила горячая кровь, и могучая машина будто споткнулась. Город уже был взят, но на окраине враг ещё отчаянно сопротивлялся, поливая огнём и улицы, и речку, через которую уже шло наше подкрепление. Можно было вытащить из люка неподвижного Иосифова, укрыть его где-нибудь в стороне, а самим двинуться дальше. Но найдут ли его санитары, да и успеют ли они? Потерять боевого товарища, вместе с которым дрались под Сталинградом и вот теперь выходят на рубеж Родины—этого экипаж допустить не мог. «Кто?»—спросил командир танка Мосальский, не вдаваясь в подробности. «Я»!—тут же ответил молодой радист (впоследствии он был командиром танка) Леонид Дубов. Экипаж знал, что Иосифов и Дубов с Брянщины, и решение радиста восприняли как само собой разумеющееся. И опять, но теперь уже вброд, с тяжёлой ношей Леониду пришлось преодолевать реку. Он шёл по плечи в воде, боясь только одного: как бы не захлебнулся Аким, не попала бы по нему картечь. А позади них тянулась кровавая струйка. Сдав товарища в медсанбат, Дубов долго догонял свой полк с трудом отыскал машину. На месте Акима сидел другой механик-водитель. Это был хороший парень, сибиряк Уфимцев, но экипаж долго не мог привыкнуть к нему, каждый втайне надеялся на возвращение Иосифова. За всю войну не было случая, чтобы из-за его недогляда машина подвела. Он держал танк в постоянной боевой готовности, с ним было не страшно идти на любой прорыв. И какова же была радость танкистов, когда однажды, уже на подступах к Восточной Пруссии, они увидели своего Акима, едва признав его. Лицо его было обезображено ещё не зажившими шрамами, левый глаз его почти не видел. Хотели отправить его назад, так он был слаб. Тогда Аким починил подбитую немецкую самоходку и две недели колесил на ней, помогая товарищам в боях. До конца войны они были в одном экипаже, и с грустью разъехались по домам. Дубов в Клинцы, Аким на Оболёшево.

ИШУТИН ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Начал я службу в 1940 году. Войну встретил во Владимире – Волынском 22 июня 1941 года. О том, что на нас надвигается война, мы уже догадывались: прибывали с востока части, и политруки об этом говорили. В начале войны мы отходили мелкими группами, формироваться начали в Ковеле. Там нам в помощь дали поляков и приказали обороняться, но поляки бросили окружение и ушли. Снова формировались под Киевом, из Киева направили в Воронеж. Сталин издал приказ: «Навести порядок в войсках, каждый должен быть по своей специальности». Так я стал водителем тягача. Здесь под Воронежем собрали 500 тягачей. Половину из них направили на Северный Кавказ, другую половину под Сталинград. Я попал в 16 армию. В начале 1943 года был направлен под Сталинград. На тягаче я возил горючее для самолетов. Во время бомбёжки аэродрома я был контужен. После Сталинграда я попал на Курскую дугу в июне 1943 года. Однажды наши самолеты возвращались на базу, к ним пристроился немецкий самолет,

подошел к взлетной полосе, прошел низко и улетел. Через некоторое время прилетели немецкие самолеты и бомбили аэродром. Было много разрушений и жертв. Однажды под Орлом мы ехали вслед за танками. Танки прошли, а мы подорвались на mine. Двигатель вырвало, выбросило шофёра и старшего лейтенанта. К счастью остались живы. Затем я был в Прибалтике, под Ригой. Был, в составе оккупационных войск в Германии вступил, в Берлин с западной стороны в городе Брендербурге. Потом попал на афганскую границу. Демобилизовался в 1946 году.

ПЕТРОЧЕНКО ВАСИЛИЙ ЗАХАРОВИЧ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА.

10 апреля 1942 год. Сегодня на одной из станций увидел ужасную картину, из-за которой злоба на немцев удесятилась. Целый день стоял эшелон эвакуированных стариков, женщин, детей из Ленинграда. Обида преступает к сердцу за этот измученный народ. Это готовые, живые кости. Бледные, замученные люди. А дети? О, бедные дети! Ходят у воинских эшелонов и вымаливают кусочек хлеба. Кажется вот-вот упадут от истощения. Один мальчик, такой умный, приятный мальчик, бегаёт без головного убора. Я спрашиваю, почему он без головного убора. Отвечает, что променял на кусок хлеба. Эх! Как ненавижу их, фашистов. И считаю правым себя, ибо эта ненависть священна, ненависть к врагу – опустошителю, захватчику. Может быть, вот так моя мать и мои братья и сестры бедствуют в горе и нужде. За что? За то, что немцам хочется хлеба с маслицем получать не работая.

10 октября 1942 год. Ехали мы, ехали, наконец, приехали под Осташков. Доехали благополучно, хотя и бомбили нас два раза. Но что делается вблизи дороги! Так густо она усеяна воронками от бомб разных размеров. Кажется, их тысячи здесь. Что-то невероятное, что-то ужасное, что-то страшное и потрясающее! Так исковеркана земля, и к счастью, только земля. И глядя на это зрелище, из груди, даже иногда пылает пламя ненависти к врагу. И эту ненависть может потушить только смерть последнего немецкого солдата на нашей земле. Месть, месть, месть! Вот мой идеал теперь, вот моя программа. Пусть разорвутся на части их черные сердца! Боже мой. Пошли ты на них гибель, пошли на них невидимые пули, которые сразили бы их – эти пули будут священны! Как я ненавижу их! Ведь они хотят убить меня, убить Россию! Нет! Как реки не потекут вспять; как прекрасное солнце не перестанет светить над нашей землей, так и черные тучи немцев – грабителей никогда не покроют наши земли!

4 октября 1941 год. Итак, я снова нахожусь в окружении. Мы движемся лесом, а немцы дорогами. Ночью двигаться хорошо, стрельба утихла малость. Ночь прошла в движении. Вот это уж был настоящий марафонский бег, я за сутки сделал около 120 км, но из окружения ещё не вошел. Лес, ах, какой чудесный лес! Листья начинают желтеть. Особенно хорошо идти дубовым лесом, так как чистенько. Сегодня встречаются человек 12 каких-то артиллеристов с одной лошадей. Стало уже веселее. Вышли к одной деревушке. Вошли в неё. В доме председателя колхоза нас очень хорошо накормили, поэтому настроение сразу поднялось. К вечеру меня догнали два бойца из моей роты. Я живу надеждой, что нам удастся добраться до реки Угры раньше немцев. Так прошел один день. День казался целой вечностью. Под вечер мы попали к добрым людям, которые накормили нас. Наступила ночь. Мы двинулись в путь-дорогу.

5 октября. Шли почти всё ночь. И вот когда до этой самой долгожданной реки оставалось километров семь, оказалось, что немцы ещё впереди. Прорываться с боями было смешно и глупо. Я рассердился, и от этого прибавилось энергии. Решили действовать. «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет» - мне вспоминалась песенка, под мотив которой мы свернули влево и двинулись дальше, в сторону города Вязьмы. Через пару километров пришли в деревушку, и тут я слышу; что меня кто-то окликает: «Петроченко! Петроченко! Подхожу. О! Да, это мой комиссар. Вот радость. Ну, мы тепло поздоровались. Здесь уже

собралось человек 60, и все слушают да смотрят, как впереди идёт пальба. Ракеты взлетают десятками. Зрелище не только страшное, но и красивое. Я вызвался вывести всех из окружения. Мы обменялись мнениями. Мы двинулись. Слева нас деревня, посылаю двоих разведать её, но их не дождался, пришлось двинуться без разведки. Вскоре стало прохладно, пошёл дождь, и мы замерзли. Лес кончился, но реки не было. А мы тоже не зная броду, не стали соваться в воду – дали тягу. Впереди нас было тихо, но куда мы двигались, шла беспорядочная стрельба.

6 октября. Мы проспали часов восемь и проснулись от знакомого и надоевшего шума: немецкий танк, подойдя к реке, с противоположного берега обстреливал деревушку. Мы быстро оделись и, как пробки от пивной бутылки, выскочили из домов и двинулись в лес. Так мы шли около трех часов. Вышли на опушку недалеко от деревушки. Я хотел послать разведчиков, по два лейтенанта пошли напрямик. Комиссар приказал идти, но, к счастью спор был быстро разрешён появившейся немецкой машиной. Я пополз в деревню, в разведку. И только подполз к крайнему дому, как сквозь высокую траву увидел в сантиметрах от себя два немецких средних танка и 6 человек сидящих возле них. Я повернул восвояси к своим сообщить такую новость, но не успел доползти до места, как по дороге уже двигались немецкие танки. Я припал к земле и вижу, что наши целой оравой вместе бегут. К этому времени немцы, видя бесполезность дальнейшей стрельбы, прекратили огонь и двинулись дальше. Я отдохнул и встал. Я начал тихонько насвистывать, потом кричать, но никто не шел. Я опечалился, что остался один. Потом слышу, что кто-то идет. Когда этот незнакомец подошел ко мне, причем подходил крадучись, я крикнул, да кажется очень громко: «Руки вверх!» - так, что раздался визг, и кто-то свалился на землю. Спрашиваю: «Кто здесь?» Слышу девушка прошептала в ответ: «Я военфельдшер, Валя» - «А говорю, когда Валя, то вставай!» «Ой, говорит, как вы меня напугали» - «Это ничего, говорю. Подождали, подождали мы с ней немного, но не дождавшись никого, пошли дальше.»

8 октября 1941 год. Подошли к деревне. Через деревню шёл большак. Я запротестовал идти в неё, ибо знал, что в таких деревнях немцы оставляют гарнизоны, но Валя умоляюще просила меня пойти. И я согласился. Только мы хотели войти в дом, как нам на встречу из дому вышли солдаты. Мы быстро побежали прочь. Мы перелезли через изгородь и пустились в лес. От быстрого бега ветер раздувал юбку, только трико закрывало её грешное тело. После такой операции немцы потеряли надежду нас поймать и пристрелить. Я бежал, бежал и вдруг,

мне обожгло левую руку. Думаю, черт с ней. Только бы не тяжело ранили, только бы не попасть в плен. Мне было обидно и жалко потерять верного товарища. Но я её не забуду никогда.

10 октября 1941 года. Шёл ещё ночь. Нет! Тащился ещё ночь, и к утру окончательно выбился из сил. Рука начала гноится. В деревне, куда я забрёл, нашел больницу, где мне сделали перевязку. В этой же деревне мне посчастливилось, и покушать у одной жены красноармейца. Деревушка, в которой я сидел, находилась вдали от большака, поэтому немцы не заходили сюда. Меня проводили как сына, я откланялся, хорошо поблагодарил и двинулся по указанному мне пути.

13 октября 1941 года. Сегодня день, когда я выбрался из окружения. Шел ночь и день. К вечеру подошёл к городу Малоярославцу. Я попросился на ночь. Хозяин был машинистом, и назавтра должен был уходить в армию, поэтому жена всё время плакала. Детей трое, мал – мала меньше. Я спал дурно – поднялся и двинулся в город. Вижу откуда – то несут хлеб, я спросил, где достал, тот не хотя махнул рукой в сторону какого-то монастыря, и пустился я туда. Попросил покушать, но не тут-то было. Заведующий пояснил, что эта столовая только для нашего командного состава. Но тут я не стерпел, и закрутил матом, тот испугался и разрешил кушать. А затем пошёл искать коменданта. О! Как приятно смотреть на свои танки со звездой и неприятно смотреть на череп с крестом. У меня возникло радостное чувство от скорой встречи со своими. Из задумчивости меня вывели встретившиеся мне 15 человек, служившие в нашем батальоне. У меня проверили удостоверение личности и пропустили вперёд. Немецкие самолеты продолжали летать, и то тут, то там сбрасывали груз. Наконец слышу голос: «Товарищ политрук, идите сюда». Это был часовой. И наконец, после долгих скитаний добрался до своей части.

26 октября. Вчера мы: командир роты ст. л-т Детковский, пом. командира роты ст. л-т Савич, зав. дел Горбин, нач. связи капитан Матвеев и я – купили ведро капусты за 500 рублей и так со вкусом покушали, хотя и щи были безвкусны. Я дней пять болел желудком и два дня головой от простуды. Служба моя 108 стрелковый полк 36 стрелковая дивизия.

Путило Михаил Савостьянович.

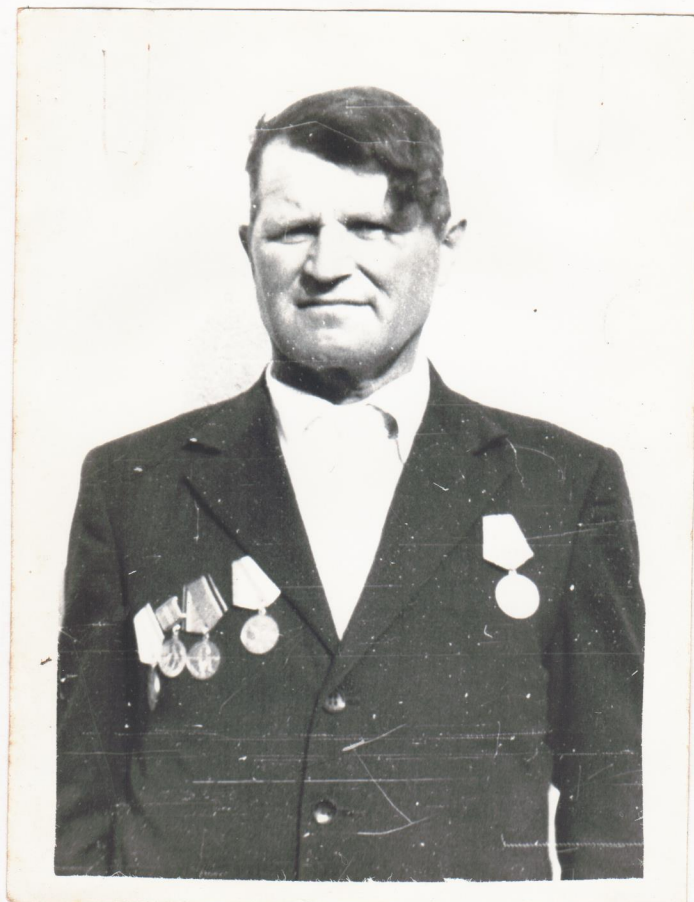
До войны я работал шофером на торфопредприятии «Оболешево» Был призван в армию в первый день войны 22 июня 1941 года. Попал я в 184-й гаубичный полк, который до сентября 1941 года находился в Клинцах. Наши гаубицы можно было перевозить только железной дорогой и в разобранном виде. Пушка делилась на три части: станина, молька и ствол. Молька весила 16 тонн, ствол 11 тонн, затвор 40 пудов. Общий вес гаубицы 64 тонны. Снаряд весил 500 кг, калибр 305 мм. Снаряды были наши и типа «Виккерс». У нашего снаряда взрыватель находился в головке, а у «Виккерса» в пятке. «Виккерс» был лучше для разрушения крепостей. На один выстрел шло два пуда пороха. Гаубицы предназначались для разрушения крупных сооружений, крепостей. Дальность ее составляла 16 км. Когда вылетал снаряд из гаубицы, то был сначала виден, потом исчезал. Когда мы отступали из Клинцов на Гомель, немцы нас крепко потрепали, железнодорожный состав пришлось разделить на несколько частей во избежание потерь, разбили ствол. Ствол потом привезли из Обуховского оружейного завода. После отступления нас направили в Чкаловскую область (южно-Уральский военный округ), там мы были примерно полтора года, после чего нас перевели в Свирск (севернее Москвы) в 330 и 29 гаубичные полки. Я служил в 330 гаубичном полку. Командир дивизиона был Кругинин Сергей Дмитриевич, начальник штаба Бадаев Константин Григорьевич.

Там проводили учения. В колонне было около сотни машин. Машины были марки ЗИС-5. На борт брали только три снаряда. Для установки гаубицы копали котлованы 8 X 12м глубиной 4м, ложили брусья, опускали станину, мольку, а затем и ствол. Вычислительная разведка давала нам координаты, мы производили несколько выстрелов. После Свирска нас перебросили в Тулу, где мы находились три месяца, а затем в 1944 году, зимой нас направили в Восточную Пруссию на 3-ий Белорусский фронт, которым командовал генерал Черняховский. Сначала я находился под Кенигсбергом. Мы здесь громили форты и бункера (это крепости Вильгельма). Под Кенигсбергом наша артиллерия сыграла большую роль, разрушила много крепостей. Здесь участвовали 328, 329 и 330 гаубичные дивизионы. Мы видели следы разрушений, огромные воронки, разбитые сооружения. В 330 дивизионе было 5 пушек. Однажды под Кенигсбергом я с комиссаром Фещенко на ;виллисе; заехал прямо к немцам. Немцы начали стрелять в нас, мы быстро повернули назад. Фещенко живет сейчас в Керчи, он говорит, что я ему спас жизнь. В Кенигсберге я получил орден Красной Звезды. Меня направили тогда везти ночью снаряды на НП. Нужно было везти 15км. Я сначала отвез снаряды, затем боевые брусья для блиндажа. Немцы обстреливали дорогу, кругом были разрывы снарядов. Позднее я получил медаль ;За взятие Кенигсберга;. Я возил главного маршала артиллерии Воронова, генерал-майоров Шваликова, Попова, Семенова, генерал –полковника Галицкого, который командовал 11-ой гвардейской армией. После смерти Черняховского 3-м Белорусским фронтом командовал маршал Советского Союза Василевский. Я видел, как вели много пленных. Войну я закончил на Балтике, у Пиловской косы. Был награжден медалью „Победа над Германией,„. В 1976г я вышел на пенсию, но связь с родным предприятием, на котором я работал с 1933 года не теряю. Живу его интересами и заботами.

Семковский Петр Иванович.

Я хочу рассказать о своих похождениях военного времени, как у меня сложилась судьба. Я буду об этом рассказывать всю жизнь. Я хочу сказать то, чтобы никто этого не видел, никто не испытал, что мне пришлось увидеть и испытать. А дело состояло в том, что мне пришлось видеть своими глазами, как немцы в начале войны в глубине своего тыла творили всякие зверства. Надо сказать, что и на фронте они делали тоже самое. Моя судьба сложилась следующим образом. Меня до войны мобилизовали в армию, как и всех молодых парней. Это было 5 мая, после чего я попал в военную школу в городе Борисоглебске. Там я проучился около трех месяцев, после чего нас срочно отправили на фронт. На фронте нас постигла неудача. Это был

сорок первый год. Мы находились недалеко от города Белгорода в направлении Старого Оскола и Нового Оскола. Здесь был наш фронт, и мы здесь вели бои. В одном из боев немцы послали против нас много танков. Полк был весь почти уничтожен, расстрелян из пулеметов. Оставшиеся в живых были взяты немцами в плен, привезены в Польшу, в лагерь, где находились военнопленные поляки, чехословаки и русские. Оказался там и я. В этом лагере находилось 12 тысяч людей. Кормили в этом лагере один раз, давали баланду и 200 грамм хлеба, который пекли из опилок. Иногда привозили зерно и совком бросали через проволоку. В этом лагере я пробыл около трех месяцев. Из 12 тысяч здесь осталось 600 человек. Это был точный подсчет, так как, тогда нас погружали в вагоны по 100 человек в каждый, то вагонов с заключенными оказалось шесть. Привезли нас в лагерь Бухенвальд. Этот лагерь, как известно, был лагерем смерти. Перед входом на воротах лагеря было написано по-немецки «Zurück weg nicht», это значит «дороги назад нет». Таким образом, кто попал в этот лагерь, должен был в нем погибнуть. В этом лагере был построен крематорий, где сжигали людей. Этот крематорий я видел сам, его устройство, видел, как бросают туда людей, как сжигают их, как люди горят огнем и шевелятся как живые. Вы можете себе представить какая страшная это картина. Еще я видел в лагере машину, которая механически била розгами людей. Она была устроена просто, но работала так, что каждому доставалось много розог за 2-3 оборота. Машина была устроена так: деревянное колесо в диаметре 2 метра. В нем были просверлены специальные дыры, в эти дыры были вставлены розги и забиты шпонкой или клином. Колесо вращалось на оси. К нему подвигали скамейку, на которую клали заключенного, прикрепляли за шею и вращали колесо. Кто был здоровее, тот еще мог кое-как уходить, а кто был слабым, таких отбрасывали здесь же в сторону, а затем в печь. В печи сжигали

мертвых людей, а до этого они их умертвляли. Делали это таким путем. Объявляли, что везут в баню, отбирали самых слабых, набирали машину, привозили в помещение, где под предлогом бани раздевали. Заключенные скидывали свои лохмотья. Здесь же их отравляли угарным газом, потом помещение вентилировали, таскали мертвых и бросали в печку в два загрузенных люка. Когда ветер дул на лагерь или погода была такая, что тянуло дымом, то нельзя было дышать, такая была вонь. Мало того, что вонь была из мертвых людей, валявшихся в лагере, эта печь делала наше существование почти невыносимым. Так продолжалось около полутора месяцев. После того, как немцы стали чувствовать себя слабее на фронте, они стали этот крематорий маскировать: разрушали бульдозерами, засыпали ямы, нарезали мурагу, передавали его на расстоянии километра, заложили, замаскировали эту печку и это все место. Я в это время находился здесь, не попал в печь.

Мой номер был 14.585 только по блоку №27, а всего в лагере находилось около 50.000. Как же мне удалось выбраться отсюда и остаться в живых? Произошло это так. Американцы прилетели бомбить Германию. Разбомбили они город Шпремберг, на реке Шпрег. Разбомбили они и крупную электростанцию, но только не все, частично ее повредили. Инженеры решили быстро ее восстановить, но требовалась рабочая сила. Машины приехали в лагерь, отобрали самых молодых 140 человек. В это время я весил 34 кг., это точно известно, потому что всех взвешивали, давали номера на шею и везли на восстановление этой станции. Привезли нас в Шпремберг, заставили работать: носить кирпичи, цемент; немцы выкладывали стены. Проработали около двух месяцев. Прилетели еще самолеты, повторно разбомбили электростанцию до основания. Разрушили плотину, после чего она уже восстановлению не подлежала. А нас отправили в город Альтенграбов, то есть в переводе «Старые ямы». Это значит не доходя Эльбы 45 км., 70 км. От Германии. Этот лагерь был интернациональным, в нем находились американцы, французы, поляки, чехословаки, русские. Американцы имели здесь комиссию Красного креста, которая защищала их, нас же никто не защищал. Но потом наступил 1945 год, дело подходило к концу войны. Пришли американцы, увезли всех своих, а нас освободили советские солдаты. Это было в апреле 1945 года. После того, как освободили нас, было много уборки. Трупы, которые были кое-как засыпаны землей, нужно было хорошо зарыть, чтобы не возникали разные болезни. После того как я прошел проверку, я был призван в армию, где прослужил до тех пор, пока не был отдан приказ о демобилизации солдат и офицеров 1922 года рождения. Когда я еще служил в Альтенграбове, мне пришлось побывать в камере заключенных, где находился генерал Карбылов. Самого его я, конечно, не захватил, немцы его замучили, обливая его холодной водой на морозе, пока он не превратился в ледяную статую. Был в его камере, читал на стене даты, его фамилию, сделанные острым предметом.

Дни, проведенные в заключении, останутся для меня горьким воспоминанием на всю оставшуюся жизнь. Люди, будьте бдительны, берегите мир!

СЛЕВА директор ПМК-45 ТАРАСЕНКО АЛЕКСАНДР
ФЁДОРОВИЧ
В ЦЕНТРЕ ЯКИМОВ НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ

ЯКИМОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Я был призван в армию в армию в марте 1942 года. Направили меня в Горьковское военное автотехническое училище. Проучился я три месяца, и тут поступил приказ Главного командования о досрочном выпуске курсантов нашего училища ввиду тяжелой обстановки на фронтах. Так, что мне закончить это училище не удалось. Из училища нас отправили под Сталинград, где мне присвоили звание «старший сержант» и определили на должность помощника командира взвода, это был парковый взвод при пятой танковой армии генерал-лейтенанта Кравченко, Героя Советского Союза. Мы форсировали Северный Донец, где были похоронены молодогвардейцы. Мы были в составе Западного фронта, командующим фронтом был Ватутин. Потом мы влились во 2-ой Украинский фронт, которым командовал Малиновский. В составе отдельной гвардейской механизированной 18-ой бригады мы шли через Винницу, Кишинёв, Прут. Здесь шли ожесточенные бои, был ранен командир автороты майор Волков. Здесь нас немцы окружили, и мы целый месяц были в окружении, испытали

недостаток во всём, голодали. Была нам дана команда по радиации взорвать всю технику, а самим уйти в горы к партизанам. Только получили этот приказ, следом пришёл второй приказ отменяющий предыдущий. Оказывается, пришли свежие части, разорвали кольцо окружения, расширили плацдарм, помогли нам выйти из окружения и сохранить технику. Потом мы месяц стояли на отдыхе. После этого нас перебросили под Будапешт, в район озера Балатон. Там была окружена немецкая группировка по численности не уступающая окруженной под Сталинградом. Затем мы пошли на Вену, там были сильные, танковые бои на улицах города. Потом пошли на Прагу, и там встретили день Победы. Я возил бочки с бензином, снаряды 75мм, сто снарядов в 20 ящиках. Затем мы направились на Дальний Восток в Забайкальский военный округ. Наступали через Монголию до станции Отпор. Вся наша армия прошла большой Хинган, где затем вступила в безводную пустыню Гоби. Там много солдат погибло от жажды. В мех частях было лучше с водой, потому что мы её везли, а в пехоте хуже обстояло дело с водой. Колодцы с водой были отравлены, возле них стояли часовые и никому не давали пить. Генерал Кравченко первым ворвался на танке в город Мукден, за что получил вторую Звезду Героя Советского Союза. Взяв Мукден, мы узнали о капитуляции Японии через три дня 5 сентября 1945 года.